

КОРЫСТНЫЕ БЛАГОДЕТЕЛИ

В перечне важнейших политических событий, обрушившихся на нашу страну в период гражданской войны и сразу после её завершения, одно из ключевых по остроте и значимости мест занимает так называемая интервенция иностранных государств в некоторые регионы России. Во всех этих случаях основным мотивом вероломных действий зарубежных захватчиков было одно и то же — попытки разграбить национальное достояние государства, ослабленного первой мировой войной. В этом, впрочем, нет ничего экстраординарного: любая война заканчивается победой чьей-то стороны и победитель всегда беспощадно забирает в свою пользу боевые трофеи. На этот раз трофеев было чрезвычайно много, потому что побеждёнными оказались

целые государства со всеми их национальными богатствами — морями, лесами, нефтью, золотом и серебром. Достаточно сказать: в результате этой войны рухнули, перестали существовать три империи. Россия, преданная внутренним врагом, подписав Брестские соглашения, также оказалась в числе проигравших и должна была униженно отдавать огромные, самые богатые свои куски Германии, войну совсем не выигравшей, а, как вскоре оказалось, совсем даже её проигравшей.

В интересной ситуации оказались старые союзницы России — страны Антанты, воевавшие в мировой войне вместе с нею против Германии. В результате Брестских договорённостей, они на какое-то время также оказались в стороне от победного дележа.

С их точки зрения, Россия, возглавляемая Лениным, во время подписания мирного договора повела себя как предательница, вступив в соглашение с общим врагом.

В чрезвычайном положении были Великобритания, Франция и другие члены «стран согласия» — Антанты, союза ряда капиталистических государств, совместно с Россией воевавших против Германии. Эти страны после выхода России из войны в результате Брестского соглашения оказались «у разбитого корыта»: перед ними стояла угроза потерять вместе с Россией все военные преференции и не компенсировать уже понесённых затрат. Дело в том, что, выполняя перед Россией союзнические обязательства и заботясь о победе над общим врагом, эти страны ещё в царские времена вложили гигантские деньги в обустройство и защиту от немцев русских северных портов, захватив которые, Германия получила бы лёгкий доступ для проникновения в глубину России.

В 1915 году российское царское правительство обратилось к Англии со слёзной просьбой послать военные корабли для охраны коммуникаций и борьбы с немецкими подводными лодками. Англия прислала отряд эсминцев, минных тральщиков и крейсер «Ифигения». Потом к ним присоединился ещё один боевой корабль — линкор «Глория». Возглавил это боевое соединение английский капитан первого ранга Т. У. Кемп. В 1917 году он получил адмиральское

звание и был назначен «Командующим русским Белым морем».

В апреле 1916 года по договору с Россией Англия стала безраздельно руководить всеми портами Белого моря и всем российским побережьем Ледовитого океана. Она получила право запрещать вход в акваторию Белого моря всем судам, не имеющим официального разрешения от британского Адмиралтейства. Англичане являлись полновластными хозяевами в водах всего Русского Севера.

Надо сказать, страны Антанты добросовестно исполняли взятые перед Россией обязательства по обустройству портовой инфраструктуры в Архангельске и Мурманске и подготовке их к отражению возможного нападения немецких войск. В 1915–1917 годах на портовые склады этих городов было завезено, в основном из Англии, более пяти миллионов тонн военного оборудования и снаряжения на 2,5 миллиардов долларов США (по тем расценкам!), что равнялось 2 миллиардам русских золотых рублей.

Здесь надо указать на очень и очень важное обстоятельство: военное имущество Антанты, в соответствии с союзническим долгом, было поставлено на склады российской стороны, а деньги за его поставку Россия так и не выплатила. Поэтому английское правительство в законном порядке считало это имущество своим.

Кроме того, страны Антанты в своё время представляли товары не Советской России, а совсем другой стране — России царской, которой теперь

не существовало. И это был ещё один юридический нонсенс, не позволявший быстро уладить спорный вопрос.

Теперь трудно, а, может быть, и невозможно установить, почему до конца октября 1917 года царская Россия, а впоследствии Россия советская и Англия до августа 1918 года не смогли, (или не успели?) оформить в нормативном порядке надлежащие товаро-денежные отношения на это имущество. Может быть, так получилось оттого, что у сторон просто не хватало времени для совершения столь крупной и ответственной сделки: чтобы имущество в установленном порядке перешло к советской России, требовалось время и немалое (попробуй-ка пересчитать, оценить и оформить все разрозненные детали оборудования, расположенного на квадратных километрах площадей!). А времени этого могло и не быть, потому что руководимая Лениным страна тяготела не к Англии и Франции, а к её противнику — Германии, а та могла в любой момент поменять правила игры. Именно ей Ленин отдал победу в мировой войне! И этот неоспоримый факт сильно раздражал руководителей Стран согласия.

Безусловно, смена союзников, с которыми связаны годы совместной борьбы с врагом и последующая смена позиций в пользу этого врага не может оцениваться иначе, как предательство. Трудно теперь объяснить, почему, с какой стати Ленин в конце тяжелейшей войны решил вдруг поменять надёжных и верных партнё-

ров на старого постоянного противника — Германию и в договор о перемирии с ней включил самые богатые куски России, которые должны были отойти к этой стране? Тем более, что на тот момент Германия влачила жалкое экономическое и военное существование, и России вместе с союзниками не стоило больших трудов окончательно переломить ей хребет. Что союзники и сделали, буквально через несколько месяцев победив Германию, только уже без России.

Может быть, Ленина согревала историческая память: все предки его матери — Марии Абрамовны Бланк (Гроссшопф) — врачи, ювелиры и банкиры — вышли из Германии и прилегающих к ней стран? Уже потом, после гражданской войны, советская Россия (также большая загадка — почему?) в течение двух десятилетий, несмотря на собственное жуткое положение, старательно пестовала, поднимала на ноги стоящую на коленях Германию. В знак великой благодарности та, накачав военные мышцы, долго и беспощадно громила нашу страну, уничтожив только за первых два военных года, считай, весь военный и экономический потенциал России, убив два с лишним десятка миллионов наших граждан.

Могу предположить, этого всего не случилось бы, если бы нашими союзниками последовательно были те, с кем мы начинали Первую мировую войну.

Англия, Франция и Америка жёстко отомстили Ленину в 1918–1919-х

годах за его предательство.

Мощной попыткой убрать его с политической сцены было покушение, совершённое 6 июля 1918 года. Два подчинённых Ф. Дзержинскому чекиста — Яков Блюмкин и Леонид Андреев — по поддельным документам проникли в немецкое посольство и убили посла Германии в России графа фон Мирбаха. Проведённое мною расследование (см. мой исторический очерк «Мятеж, которого не было») показало с предельной очевидностью: чекисты действовали по инструкциям Троцкого, Дзержинского и Свердлова — приверженцев Англии и Америки (Лев Троцкий сам являлся гражданином Соединённых штатов). Террористический акт имел целью спровоцировать агрессию со стороны Германии и возобновить её войну с Россией, которая привела бы к гибели нашей страны и, соответственно, самого Ленина.

Сложившуюся критическую ситуацию спасло только то, что Германия находилась к тому времени в настолько бедственном положении, что не имела сил продолжать войну.

Уже тогда было установлено: организатором всей этой акции был временно проживавший в Москве гражданин Англии Уайдлер, однако Дзержинский укрыл его и позволил уехать из Москвы.

Другой, ещё более жестокой попыткой, было убрать Ленина путём прямого его убийства. 30 августа 1918 года член партии правых эсеров Фаина Каплан стреляла в него после

митинга на заводе Михельсона в Москве и тяжело ранила. Организаторами теракта, как мною установлено (см. мой очерк «Как Россию-матушку делили»), также были сторонники англо-американского влияния — Троцкий, Дзержинский и Свердлов. Сама Каплан не была подвергнута суду: её скрытно убили в одном из гаражей во дворе Кремля по приказу Свердлова, а тело сожжено в бочке из-под смолы. Но пули, выпущенные Каплан в Ленина, всё же достигли цели. В январе 1924 года Владимир Ильич умер в подмосковных Горках: пуля, попавшая в шею, образовала тромб, перекрывший ток крови в сонной артерии.

В этом до сих пор заключается главное публичное объяснение стран, входивших в блок Антанты, участвовавших в интервенции: они, мол, прибыли в Россию не с целью её поработить. А, якобы, всего лишь «спасали своё имущество, незаконно присвоенное Россией», и именно с этой целью прибыли в северные российские воды. Ушли они, увезя с собой «спасённое» имущество.

За эту «славную боевую операцию» по возвращении на родину командующий войсками интервентов в архангельском регионе генерал Эдмунд Айронсайд получил титул «барон Архангельский». Этот двухметровый, нахрапистый военный, хам и матерщинник, любитель водки и легкомысленных девиц, менее всего подходил для получения высокого дворянского чина.

Потом, конечно, его и других интервентов прогнали из российских пределов, как и полагается поступать с захватчиками.

Теперь, по прошествии многих лет, вроде бы пора уже сделать переоценку тех событий. В самом деле, казалось бы, можно сказать и так: давно нужно отойти от кондовых штампов, которыми нас изрядно пичкали в советские времена: мол, варвары-англосаксы вероломно напали на молодую республику Советов. Кто-то скажет: не нападали ведь они, просто-напросто пришли за своим добром, да и забрали его.

Да не получается вот такая убаюкивающая версия. В случае с застрявшим в России имуществом, наверное, всё обошлось по справедливости. Но беды в России они успели надевать большой — именно англичане и французы, именующие себя цивилизованными нациями, а не Сталин или даже не Гитлер первыми создали на российской территории, на архангельских землях концентрационные лагеря, первыми расстреливали и морили голодом и тифом в них беззащитных и безвинных людей. Эти цивилизованные варвары выстроили на безлюдном тогда острове Мудьюг, что в Белом море и около деревни

Йоканьга (Мурманская область) деревянные бараки и загнали в них около полутора тысяч узников — пленных красноармейцев, партийных и общественных активистов, членов комитетов бедноты, а то и просто случайных людей, задержанных на улицах. Условия содержания узников — ужасающие: не было бани и мыла, смен белья. Всюду царили грязь и антисанитария, процветали педикулез, тиф, гангрена, цинга и дистрофия. При этом отсутствовала какая-либо медицинская помощь. В результате такого вот «цивилизованного» обращения с узниками концлагеря почти все они погибли от болезней, голода и холода. Фашистские концлагеря могли бы позавидовать способам умерщвления людей, придуманным англичанами и французами на архангельском Мудьюге и в мурманской Йоканьге.

Снимем шапки перед героями-архангелогородцами и мурманчанами, замученными в концлагерях Антанты! Вечная им память!

Проклянём извергов-интервентов, варваров и негодяев, незаконно ступивших на нашу землю и посягнувших на безвинных русских людей. Гореть этим убийцам вечно в адовом огне!

РАСШУМЕЛОСЬ БЕЛОЕ МОРЕ

Часа три назад солнце выползло из морской закраины и теперь уже приподнялось над уходящим на морскую сторону широким речным простором. Сейчас висит высококонько и светит ярко в летнем небе, разбирает свет и тепло над гигантским простором моря, над впадающей в него великой Северной Двиной.

Повсюду колышется лёгкое и прозрачное марево середины лета, просвеченное тонкими солнечными лучиками, играющими на гладкой поверхности реки и проникающими в водяную гладь до самого далёкого песчаного дна. Воздух недвижим. Лишь изредка со стороны морского пространства, словно чуть слышные вздохи, доносится шелест слабого ветра — несильного морского бриза. Это пригретое утренним солнцем разомлевшее море выдыхает в сторону прибрежного леса лёгкие порции прохлады, настоящей на солоноватом и пряном морском аромате. Два рыбака, разморённые окружившей их тёплой негой, покачиваются в карбасе в Двинском устье. Им некогда особенно нежиться: один из них, сидящий в корме подросток — юрок, непрестанно поднимает весла и, толкая их от груди, перегоняет лодку с места на место.

Морские удочки, снаряжённые из своедельного тонкого прядена, с тяжёлыми грузилами-свинчатками, да с кованными, зацепистыми, проч-

ными крючками, лежат бездельно в берестяных пестерьках на дне карбаса. Но до удочек рыбакам пока нет дела: через песчаные «кошки», коих обильно в этих местах, перекинуты три продольника, каждый метров по семьдесят — морская снасть с привязанными через полтора метра скаными поводками и стальными небольшими крючочками. На каждый из них насажена обильная наживка — толстенные морские черви. Беломорская камбалка испокон веку охоча до этих червей, живущих в твёрдом, утрамбованном волнами донном морском песке. Концы продольников привязаны к буйкам, покачивающимся на лёгкой зыби в полуста метрах друг от друга. Буйки постоянно трепыхаются, потому как камбала клюёт задиристо и непрерывно.

Вот опять задёргался крайний буёк, но рыбаки сразу не реагируют, лишь поглядывают на него с равнодушными физиономиями: пусть насалятся на крючки и другие рыбки. Когда буйки начинают дёргаться совсем уж азартно, старший в лодке, Ксенофонт, даёт позволительную команду младшему напарнику, сыночку своему:

— Давай-ко, Ионарьюшко, подпеть-ко, чё-то тамогде улипло опеть.

Говорит он это, маленько важничая, вראстяжку, как бы нехотя: промысловое дело не терпит суеты, а он — старший в карбасе, и все остальные обязаны соблюдать неизбывное поморское

правило: кормщику — беспрекословное уважение. Но и спрос с него велик: «с худым кормщиком в море су-нессе — наголодаиссе» — так сказыва-ют деревенские обитатели. Ежели в море с таким артельщиком сходили и вернулись пустыми — ему и бока на-мять могут. Значит, плохо руководил, не отыскал рыбные места, снасти не так выставил, коровье ботало... Артель голодная, семьи голодные... Кто ви-новат? Кормщик! А коли так — получай по рылу! И не ропщи, дурак, сам ви-новат — так положено «на мори».

На этот раз всё немножко по-дру-гому: за камбалой в море ушли батько Ксенофонт — бывалый ры-бак и сын его Ионарий, парнишко пятнадцати годов от роду — родные люди, между ними не могло быть вражды да неладов. Тем более, что для Ксенофонта не было тайн в ры-бацком деле. Он без добычи домой не приходил.

Всё удачно получилось на этот раз.

— Короба на три улипло, — при-кинул улов Ксенофонт и быстренько ладонями сгрёб рыбу в одну немалую кучу. — Хорошо, ды порато хорошо! Эдак-то мы скорёхонько дело спра-вим! Матке пару коробов приволокём для засолу. Эко ладим с тобой, Иона-рюшко...

Он выпрямился во весь рост, по-гладил холщовую, замызганную ру-баху на впалом животе:

— А дня-та ишше благошко, гляди, сыно, ише стоко же ульнёт.

— В сам деле, батько, оно справно выходит. Вона скоко до паужны на-

дёргали, коегодни не было эстолько...

Поморы опасаются вслух хвалить удачу. Переменчива она, лихоманка... Да только вон опять уже шибко тре-пыхается дальний буёк. Надо попа-дать туда... Как не похвалить...

Когда день перевалил на другую половину, карбас огруз от рыбы, ноги рыбаков по щиколотку завале-ны камбалой. Ксенофонт смотрел на сына, на то, как тот азартно работает с продольниками, торопится нажив-лять червей, спешит к добыче и вти-хомолку радовался:

«Замена вырастат! Помор доброй будёт, батьке с маткой подмога».

Ещё увидел Ксенофонт: дело идёт к вечеру. Вон солнышко падает уже к закатной кромке неба... Надо завер-шать удачный день...

— Ионарюшко, давай-ко вымать будем крючочки, шабашить пора нам. Денёк-то гаснёт.

А тому совсем не хочется уезжать от счастливого местечка, сын извер-телся весь на лодочной банке, поста-нывает:

— А можа, батя, ешшо бы малень-ко?.. Куды гнать-то порато? Удьба-та хорошашша стрась...

Отец понимает сына, сам был та-ким когда-то, не в такие уж дальние времена... Но погода стоит тихая, считай, полный штиль, парус беспо-лезен, идти придётся на вёслах, семь неполных вёрст... Далековато... Да ещё с грузом: рыба закрыла пятый набой карбаса. И грузновато...

Карбас пойдёт неходко. Сынок его выбьется из сил...

— Не, Ионарий, не. Давай-ко, парнишечко, доставать продольники, да в деревню надоть попадать.

Сказал так Ксенофонт и потянул-ся, похрустел косточками в пояснице, распрямил скрюченную за долгий упряг сиденья в карбасе спину, поразмял мышцы в руках да ногах. Он пораскинул во всю ширь бугристые от избыточной силушки руки, покрутил ими резко, глянул налево, посмотрел направо...

И увидел над водой дымы. Их обозначилось несколько. Из морской дали в устье Двины заходили корабли.

— Поглянь-ко, сын, к нам идут, вроде.

— Ну, идут, да и идут. От безделья им шастать тутогде... — Ионарий не придавал особого значения разбросанным по морской дали дымам. В самом деле, в последние времена изрядно толчётся у двинского устья приходящих из моря судов.

Но пока рыбаки, не торопясь, степенно собирали какой-никакой скарб, разбросанный по днищу карбаса, сматывали в аккуратные, большие клубки продольники, пряча острие каждого крючка в верёвочную тетиву, укладывали снаряжение в холщовые мешки, корабли на малом ходу проходили уже совсем близко, метрах в двухстах от рыбацкого карбаса. Два огромных военных судна со строгими формами морских хищников, с пушками наперевес, с трепещущимися разноцветными флажками и вымпелами на мачтах и на реях. Они не знали здешних глубин и шли тихо

в кильватерном строю, друг за другом, передвигались напористо, уверенно... Так приближались к обречённому врагу победоносные шеренги римских легионеров, уже снискавшие мировую славу непобедимых. Они шли, никого не боясь, ничего не стесняясь, хотя находились в чужих водах. Шли, как хозяева.

На палубах сновали матросы, переговаривались между собой, что-то кричали друг другу на каком-то непонятном, чужом языке.

По бокам больших судов шмыгали кораблики маленькие, но тоже военные, судя по боевым формам, пушечкам на носах. Они деловито шныряли около кораблей-гигантов, и кто-то с их бортов выкрикивал в мегафон туда, наверх, на палубы этих монстров, слова военных докладов. Маленькие кораблики, как и люди важным начальникам, всегда подчиняются кораблям большим. Они обыкновенно похожи на собачек, бегущих рядом с идущими в поход за добычей хозяевами и готовых выполнить любую их команду.

К капитану впереди идущего английского крейсера «Глория» подбежал помощник и доложил: на траверзе стоит русская лодка, наполовину заполненная рыбой.

«А что, неплохая добыча», — подумал старый пират, вспомнив, как он, юный офицер флота Её Величества, в числе других, таких же молодых мореманов — искателей приключений, мечтающих о легендарных подвигах знаменитых английских

пиратов — Чёрной Бороды, Френсиса Дрейка, Бартоломея Робертса — резвились в водах Сардинии, опустошая наполненные рыбой пироги туземцев. Тогда капитан навсегда полюбил вкус и запах свежеприготовленной макрели.

И дал команду боцману: послать матросов к этой шаланде: пусть доставят на борт хорошую порцию беломорской рыбы. То-то команда обрадуется: пересолёная норвежская треска всем давно надоела. «А русские рыбаки пусть продемонстрируют традиционное для русских гостеприимство».

Помощник капитана вдруг высказал вполне резонное предположение: русские рыбаки могут оказать сопротивление и не отдать добровольно пойманную ими рыбу:

— Они с придурью, эти русские — это весь мир знает. Могут заартачиться... Как бы воевать с ними не пришлось...

— Со мной ещё никто не воевал, — отрезал капитан. — Пусть попробуют! Надо поставить их на место, этих аборигенов. А ну-ка, ребята, шугните их слегка. Мы им моментом мозги прочистим.

Один из быстроходных катеров получил команду сходить к поморской лодке и снять с неё пару снарядных ящичков свежей беломорской рыбы. Катер на лебёдках спустили в воду, и он с двумя опытными матросами на борту уже покачивался рядом с крейсером, ждал сигнала к рейду на рыбацкую лодку. Матросам при-

казали забрать у русских хорошую порцию рыбы и догнать корабельный караван, на пути к Архангельску. Для сноровистого катера — это максимум полчаса ходьбы.

Отец с сыном прекратили сборы и разглядывали нежданно явившуюся армаду с искренним недоумением:

— Куда ето оне? — спросил сын.

— Можя, на Архангельск попада-ют? — высказал сомнение и отец.

Столь грозное зрелище одетых в стальные, броневые одежды боевых громадных кораблей, с нависающими над бортами пушками, тяжёлыми надстройками, с веерами флажков, трепещущими на морском ветерке, — такое разноцветье морской мощи на фоне синевы, разлитой по всему небу — всё это до крайности взволновало сердце юноши, никогда ранее не видавшего такой военной силищи.

Ионарий расслышал вдруг: от кораблей к ним долетел одинокий, нерезкий звук, будто там, в той стороне, кто-то преломил карандаш. Через секунду рядышком с карбасом на воду плюхнулось что-то тяжёленькое, из воды выскочил маленький фонтанчик.

Отец с сыном переглянулись.

— Чё оно тако? — Ксенофонт приоткрыл рот в совершенном недоумении. Он понял: по их карбасу стреляли с борта военного судна, и рядом с их лодкой упала в воду пуля. Но никак не мог он взять в толк: а зачем? Никто никогда на его веку не стрелял по живым людям. Такого не бывало на Белом море. Какую угрозу они могли

представлять на своём карбаске этой военной армаде?

Треск выстрелов со стороны кораблей усилился, вот пошла настоящая револьверная канонада. Отец и сын наблюдали, как на палубы и на боевые надстройки вышли люди в форменных одеждах, в фуражках и, направив в сторону лодки пистолеты, прицеливались и стреляли, стреляли и опять целились... Офицеры вытягивали вперёд правые руки, палили из личного оружия и будто соревновались в стрельбе по живым мишеням. Что-то там покрикивали, отдавали резкие команды, переговаривались, смеялись...

Они стреляли по местным мужикам, по поморам там, где никто и никогда не стрелял вот так вот в них, открыто и нагло — в беломорской акватории. Будто по зверькам, обезьянкам или аборигенам на островах Сардинии или в других диких местах, где офицеры доблестного английского флота изрядно кроваво покуролесили.

Пули ударялись о воду, стучали об неё. Некоторые отскакивали от водной поверхности и с визгом уходили на рикошет, затихали в воздухе. Слава Богу, ни одна не ударила в деревянный корпус карбаса, не пробила его.

Ксенофонт, взбешённый, с перекошенным от злости и от страха за сына лицом, вскочил с банки, замахал над головой пудовыми кулачищами, сипло заорал в сторону кораблей:

— Я, едри вашу мать, башки ваши вёслами чичас раскокаю! Суньтесь

токо суды, собаки! Какого хера палить тут стали, говна сраные! Ужо я вас!..

Он крепко осерчал на англичан, помор Ксенофонт Разбаков.

Ионарий ещё минуту назад и представить себе не мог этих красивых, форменно одетых офицеров в шикарных фуражках с разлапистыми кокардами, элегантно стоящих на корабельных мостиках и в статных позах разглядывавших в бинокли беломорские окрестности, вот так буднично и вполне равнодушно стреляющими из револьверов по нему и по его отцу, ничего плохого им не сделавшим. И стало ему вдруг понятно: вели они огонь не просто так, из офицерского куража, а желали в них попасть, убить его вместе с батькой. От этой простой и, скорее всего, верной мысли его пробил вдруг озноб и возникло яростное желание отомстить этим дикарям, неизвестно зачем прибывшим на его родину и так вероломно и нагло обращающимся с его жизнью.

Стрельба и вправду вскоре затихла. Только самое малое судно сопровождения — пассажирский катер — вдруг включил форсажные обороты, развернулся и помчался в их сторону.

— Чево им ешшо-то хочче? — спросил сам себя Ксенофонт, взбешённый пальбой по их с Ионарием карбасу. Желваки ходили по его лицу. Он, глядя на приближающийся катер, привзнял тяжёлое весло из уключины, держал его наперевес в обоих руках, покачивал, примеряя, готово ли оно

к бою. Под плотным своевязанным свитером гуляли на руках мышцы.

— Ишь ты, ядрена тётка, — приговаривал он, глядя на приближающийся катер, — удумали чего, сукины ребята, воевать с нами удумали... Дак мы с сыном моим поглядим ешшо, чево оне тут... Суньтесь тока...

Катер в самом деле на быстром ходу примчался к ним, но метров за пятьдесят осадил скорость, быстро огруз и потихоньку дочапал до карбаса. Но довольно сильно стукнулся носом в борт, карбас резко пошатнулся.

— Нно, осадил! — рявкнул Ксенофонт на пассажиров катера.

Тех было двое, крепких на вид иностранцев с сосредоточенными, равнодушными физиономиями. На головах — бескозырки без ленточек, плоские сверху, с высокими тульями, одеты в чёрные рабочие комбинезоны из грубой ткани. На шее у каждого — тёмные платки, щеголевато перетянутые снизу узелками. Один сидел в носу, на передней банке, глядя вперёд и вальяжно расставив ноги, другой стоял в корме, держась за фанерную крышку, закрывающую мотор. Перед ними с веслом наперевес высился помор, столь же крепкий мужик, как и они, с грубым и свирепым лицом, красным от солнца и морских ветров.

Не бойся его, Альберт, — спокойно сказал на английском языке тот, в корме, — он напуган нашей стрельбой, видишь, как судорожно вцепился в свое дурацкое весло.

— Да я и не боюсь, — ответил дру-

гой, — чего он нам сделает, пусть попробует!

Он уцепился руками за край карбаса и потянулся вперёд, перегнувшись через борт, заглянул вовнутрь.

Отец и сын поняли: перед ними англичане, еще несколько недель назад к ним в деревню приезжали незнакомые властные люди и объявляли народу, что скоро в Белое море придут именно они. К ним нужно относиться радушно, как к цивилизованной нации.

Вот они пришли...

— Тут много рыбы, — громко объявил Альберт.

Он пошарил руками среди сваленного в носу катера такелажа и где-то под веревками нашупал старое, забытое ведро для вычерпывания воды из катера. Взял он это ведро и стал с деловым, озабоченным видом перелезать через борт. По-хозяйски отодвинул Ксенофонта, стоявшего на дороге, и, упав на карачки посреди кучи рыбы, начал загребать камбалу в ведро.

Ксенофонт несколько мгновений изумлённо наблюдал за неподдающимся его поморской логике действиями иностранца: среди людей, живущих на беломорских берегах, так не принято! Судя по повадкам, эти двое — из английского портового, разгульного люда, понятия не имели о правилах нормального поведения в человеческом обществе. Они раньше не знали поморов, у которых уважение к людям, тем более незнакомым, воспитывается с раннего детства.

Но сейчас не до нравоучений. Долго Ксенофонт не мешкал. Здоровенный и крутой в своём обычае, он особенно не размышлял, что делать с нечестивым человеком, посягнувшим на деревенские правила приличия. Ежели кто-то подло выпадал из этих правил, сразу же получал от него по морде. Конечно, так он поступал только тогда, когда дело касалось его самого или же человека беззащитного, того, кто не мог за себя постоять. Тем более, сейчас в руках у него находилось тяжёлое весло... Он сделал замах и крепко, очень крепко шарахнул по спине английского бродягу, стоящего на карачках в куче камбалы, Ксенофонтом пойманной на продольник в дельте его родной реки — Северной Двины. С ведром рыбы в руке, украденной у него, поморского мужика.

Англичанин взвыл и завизжал, словно тяжело раненный кабан, ударенный грозной дубиной сильным охотником поперёк хребтины. И, не в силах подняться, остался лежать пластом на рыбе, со скукоженной физиономией, уткнувшейся в беломорскую рыбу-камбалу. Неопытный этот англичанин не знал ещё одного: поморам сильно не нравится, когда у них бесцеремонно воруют их добычу. Он совершил неразумные для обитателей Белого моря действия, использовав извечную английскую пиратскую привычку тащить от моря всё, что плохо лежит.

На выручку ему бросился его товарищ, верзила, сидевший на кормо-

вой банке, поросший рыжей щетиной, с давно не скобленной, прокопчённой загаром физиономией. В руке он держал большой и длинный револьвер. Ксенофонт к этому времени уже отталкивал веслом карбас от катера. Англичанин с револьвером наизготовку, крича что-то гортанное и, наверное, страшное, махал судорожно руками и выплескивал из перекошенного рта брызги слюны. Похоже, у него совсем отсутствовали зубы, выбитые в постоянных портовых стычках. Он требовал у Ксенофонта, чтобы тот вернул карбас к катеру: ему нужно было попасть в лодку и помочь товарищу.

Поняв, что абориген не собирается исполнять его команду, английский моряк поднял оружие и выстрелил в воздух. Над морем хлётко и невероятно громко прозвучал выстрел из неведомого для поморов огромного револьвера. Ионарий перепугался, втянул голову в плечи и вскрикнул: в его маленькой судьбе ещё не случилось, чтобы так близко стреляли из револьвера. Отец его даже не вздрогнул: он за долгую морскую жизнь перевидал уже много чего разного. Ксенофонт, держа в руках весло, продолжал сильными, размашистыми махами отгребать от катера.

Англичанин, сгорбившись, в страшной спешке, шустро перебирая толстыми ногами, совершил перебежку от носа к мотору, быстро переключил рычаг скорости от холостых оборотов на режим хода и очень скоро догнал карбас.

Он ткнулся носом катера в бок карбаса, схватился за кочет, держась за него одной рукой, качался вместе с рыбацкой лодкой и не знал, что делать дальше. Ему надо было выручать напарника, лежащего на груди камбалы, орущего от боли, выкрикивающего невероятные ругательства в адрес русского кретина Ксенофонта, и этого дурацкого карбаса, и этой мерзкой рыбы, и этого проклятого русского моря, куда его отправил сам дьявол, проклятого, проклятого... И козлиного отродья — боцмана, который послал его сюда... Наверное, эта русская, гигантская горилла переломала ему ребра, отчего он не может теперь пошевелиться, чтобы переползти к краю лодки и перебраться на свой катер. Каждое движение отзывалось жуткой болью в спине. Билл, старый его приятель, ждал в трёх метрах, но это небольшое расстояние казалось непреодолимым.

Но Альберт понимал: он неминуемо погибнет, если сам не приблизится к катеру. И, преодолевая страшные страдания, вскрикивая при каждом усилии, он подползал сантиметр за сантиметром к спасительной руке Билла. Прополз мимо ног этого русского чудовища — Ксенофонта, стоявшего наизготовку с тяжёлым веслом в руках и готового в любую секунду вновь пустить его в ход.

Но, когда он почти уже миновал грозную и опасную фигуру помора, его обуяла неистребимая ненависть к нему, изувечившему его спину, заставившему ползать по проклятой

скользкой камбале. До недавнего времени Альберт, ливерпульский портовый забияка, никому не прощал нанесённых ему обид. Ему обязательно нужно было отомстить тому, кто посягнул на его честь. Собрав волю в кулак, с визгливым вскриком, он выбросил вперед колени и правой голенью сильно пнул Ксенофонта по лодыжкам. От неожиданности тот вскрикнул и слегка присел. Но тут же выпрямился и вновь поднял весло. На этот раз Ксенофонт, конечно же, размозжил бы англичанину дурную башку...

Но Билл поднял чёрный револьвер... И успел первым. Грохнул выстрел, и тяжёлое тело Ксенофонта медленно согнулось в поясище...

Когда Билл по камбальей куче волок скрючившегося приятеля к привязанному к носу карбаса катеру, сидевший на банке с глазами, полными ужаса и слёз Ионарий вскочил и со всей силы толкнул его. Билл завалился на бок вместе с Альбертом, и они какое-то время выкарабкивались из рыбы. Наконец, Билл вскочил, прыгнул к Ионарию и наотмашь, сильно ударил подростка кулаком в лицо. Мальчик потерял сознание.

Когда он очнулся, болела щека, ныл опухший глаз. Англичане из карбаса исчезли. Пропал куда-то и их катер, горизонт был чист. Наверное, Иларий долго не приходил в сознание.

Мёртвого отца он нашёл на дне кормы. Ксенофонт, согнувшийся пополам, лежал, раскинув руки, лицом вверх. Не отражались на его бледном челе ни страдание, ни печаль. Было

лишь недоумение. Наверное, оттого, что на его жизнь посягнули воры и забрали эту жизнь. Отец всегда изумлялся, когда встречался в жизни с явной, выходящей за рамки разумного, несправедливостью. И всегда отстаивал справедливость, такую, какую понимал и видел сам.

Рыдающий подросток долго-долго сидел над телом убитого отца, всё плакал, плакал... Его плач не утих и когда он сидел за вёслами, грёб к родной деревне. Потом горько плакал всю оставшуюся жизнь о несостоявшейся судьбе, в которой им, любящим друг друга людям — отцу и сыну — надлежало быть рядом ещё многие и благая лета.

Над морем и над побережьем висел бледно-розовый воздух конца белой ночи, осенённый светлостью насквозь прозрачного неба. Посреди этой, привычной для любого помора и всегда радостной картины, плыл в свою деревню на тяжёлом карбасе,

ворочая громоздкими вёслами, плачущий мальчик. И вёз домой мёртвого отца.

На берегу его никто не встретил, потому как стояла ночь, и все люди спали. Только чайки, вечно голодные чайки всюю пользовались светлостью белой ночи, и летали вдоль берега, садились на него, и бродили по песку, выискивая острыми и жадными глазами морские отбросы. Дрались между собой из-за них и всё кричали, кричали...

Ионарий сидел в карбасе, уткнувшись в берег. Якорь-кошку он выбросил на песок, чтобы лодку не понесло от берега. Он не мог идти домой, потому что привёз в дом слишком худые вести и потому что у него уже не было сил.

Утром к карбасу пришла вся деревня и оплакала своего лучшего мужика.

Так летом 1918 года на русский Север нагрянули неожиданные гости. Началась иностранная интервенция.